

7. Uorf B.L. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The ratio of the norms of behavior and thinking to language]. *Zarubezhnaya lingvistika: sbornik statey [Foreign linguistics: collection of articles]*, 1999, no. 1, pp. 58-92. (In Russ.).
8. Chirkov V. *Sibirskaya neoarkhaika: "Sled", "Perpetuum mobile", "Khronotop/ Chronotop" [Siberian neo-archaic: "Trace", "Perpetuum mobile", "Chronotop"]*. (In Russ.). Available at: <http://sibgal.com/proekty/sibirskaya-neoarkhaika/> (accessed 09.10.2018).
9. Yung K.G. *Arkhetip i simvol [Archetype and symbol]*. Moscow, Renessans Publ., 1991. 297 p. (In Russ.).

УДК 130.2

ПАСХАЛЬНЫЕ И РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Цыплаков Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры церковного богословия, Новосибирская православная духовная семинария (г. Обь, РФ). E-mail: tsypl@ngs.ru

Цыплакова Светлана Михайловна, кандидат культурологии, доцент кафедры библиотечного дела и социально-культурной деятельности, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ). E-mail: ipmmx@yandex.ru

В данной публикации исследуется вопрос о формах сохранения пасхальных и рождественских обычаев и традиций в секулярной российской реальности. Исторически вера входила и входит в структуру мира народных обычаев и традиций. Учет этого фактора нужен при описании русской культуры, а также в религиозных, социологических и исторических исследовательских работах. Важность анализа форм бытования религиозных элементов культуры в социальном пространстве определяет актуальность настоящего исследования. Несмотря на то, что прошел определенный исторический период, на данный момент недостаточно изучены культурно-религиозные аспекты жизни людей в советский период. Таким образом, целью исследования является экспликация через биографические нарративы культурных элементов, определивших направление десекуляризации секулярного советского и российского общества. Были решены следующие задачи: собраны биографические свидетельства респондентов, произведен их анализ (с элементами актантного подхода), показаны точки восстановления традиционных религиозных культур в постсоветский период. В данной публикации рассматриваются пасхальные и рождественские обычаи и традиции в народной культуре в советское время. В тексте анализируются структуры жизненного мира наших современников на базе анализа биографий. Рассмотрены биографии респондентов, живших в советский период. Они родились преимущественно в сельской местности и в детстве ходили в храмы. В атеистической обстановке советского периода они в той или иной степени сохраняли религиозные обычаи и традиции, что описывается ими в интервью-нарративах. Анализ интервью позволил сделать примечательные выводы относительно бытования религии в социуме. Показано, что народные обычаи и традиции по-прежнему сохраняли религиозную составляющую. Пасху и Рождество, особенно в сельской местности, продолжали отмечать посредством народных и религиозных обрядов. Религия приводила к контрверсам в публичной сфере. В результате она находилась в своеобразной «нише», но транслировалась и сохранялась, продолжая формировать культурные паттерны. Определяющим моментом последних десятилетий возвращения религии в жизненный мир социума, «религиозного ренессанса», стала близость вероучения традиционных религий, культовой практики и жизни к культуре населения. В статье эксплицированы те традиции прошлого, которые определили современную матрицу религиозной культуры России, эта экспликация фундирована уникальным эмпирическим материалом.

Ключевые слова: религия, секуляризация, религиозная культура, народные обычаи и традиции.

EASTER AND CHRISTMAS CUSTOMS AND TRADITIONS IN SOVIET SECULAR SOCIETY

Tsyplakov Dmitriy Anatolyevich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Department of Church Theology, Novosibirsk Orthodox Theological Seminary (Ob, Russian Federation). E-mail: tsypl@ngs.ru

Tsyplakova Svetlana Mikhailovna, PhD on Culturology, Associate Professor of Department of Librarianship and Sociocultural Activity, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ipmmx@yandex.ru

The article dialed Easter and Christmas customs and traditions in Russian society. Modern Russian society in the aspect of religious culture has emerged as a result of complex processes of elimination of religion. However, even in the Soviet period, it is impossible to designate a society as non-religious. The reason for this is that, historically, faith has entered and is part of the structure of the world of folk customs and traditions. Consideration of this factor is needed when describing Russian culture, as well as in religious studies, sociological and historical research works. This publication reveals Easter and Christmas customs and traditions in folk culture during the Soviet era. The text analyzes the structure of the living world of our contemporaries, based on the analysis of biographies. The biographies were gathered from respondents who lived during the Soviet period. Born mainly in the countryside, they went to the churches in childhood. In the atheistic situation of the Soviet period, they preserved religious customs and traditions, as described in their interviews. The analysis of the interviews made it possible to draw remarkable conclusions regarding the existence of religion in society. Folk customs and traditions retained the religious component. Easter and Christmas, especially in the countryside, continued to be celebrated through folk and religious rites. Religion led to controversies in the public sphere. The last decades' defining moment of returning the religion to the living world of the society of "religious renaissance" was connected with the religious customs and traditions. The article explicates those traditions of the past, which determined the modern matrix of the religious culture of Russia; this explication is based on a unique empirical material.

Keywords: religion, secularization, religious culture, folk customs and traditions.

Народная культура является важным пластом, основой социальной культуры в целом. Культура в широком ее понимании есть все, что транслируется, то есть то, что (помимо биологической наследственности) считается важным и ценным для передачи из поколения в поколение. В этом смысле культура образует «ткань» социума, формирует общество в его специфических отличиях от природы. Общество, таким образом, становится продуктом культурного развития, формируется культурой, которая в ее наиболее древних, базовых и устойчивых образцах принадлежит к наследию народа, является его неотъемлемой частью.

Народная культура, как наиболее консервативный, статичный элемент культуры, хранит и оберегает значимые ценностные доминанты общества, а потому она является социально-формирующим компонентом, без которого распадается общество. Область ценностных доминант безусловно включает в себя и ценности религиоз-

ные, составляющие важный элемент жизненного мира людей. Их изучение является неизменно актуальным для гуманитарных и социальных наук в целом. По мнению С. Л. Франка, теоретическое рассмотрение общества должно «с самого начала исходить из религиозного убеждения (подтверждаемого историческим опытом и углубленным рассмотрением общественной жизни), что есть вечные, вытекающие из существа человека и общества закономерности, которые человек хотя и может нарушить, но которые он не может нарушать безнаказанно и которые поэтому определяют истинную цель его стремлений. Человек не есть своевольный хозяин своей жизни; он есть свободный исполнитель высших велений, которые вместе с тем суть вечные условия его жизни» [4, с. 35].

Таким образом, жизненный мир человека, как члена социума, включает в себя и религиозные представления, а народная культура всегда

была носителем этих высших ценностных элементов и собирала их в себе как неизменную органическую часть.

Советская секуляризация, проводимая с 1918 года, включала не только юридический, но и ценностно-культурный компонент. Термин «секуляризация» нами понимается здесь как «процесс обмирщения, возникновения светского общества» [5, с. 204]. Задача советской секуляризации (декларировавшаяся уже не как буржуазная, а как марксистская) состояла в полной элиминации религии как социального явления. Весной 1918 года был создан восьмой ликвидационный отдел Народного комиссариата юстиции для осуществления декретов Совета народных комиссаров по отделению Церкви от государства. Секуляризация проводилась силовыми методами, в том числе через уничтожение активных носителей несекулярного (религиозного) мировоззрения для формирования секулярного общества, в котором религиозные ценности в жизненном мире должны были быть замещены атеистическими конструктами. Жизненный мир верующих людей выпадал из «пространства имманентной рамки» (по выражению Ч. Тейлора). Имманентная рамка (immanent frame) – термин Ч. Тейлора, введенный им для того, чтобы описать существование секулярного индивидуума в секулярном социальном пространстве (the buffered identity of the disciplined individual moves in a constructed social space, where instrumental rationality is a key value, and time is pervasively secular. All of this makes up what I want to call «the immanent frame») [8, с. 543].

Задачей советской секуляризации была трансформация мировоззрения для формирования советского секулярного общества, в котором горизонтальная и вертикальная трансценденции религиозной веры в жизненном мире должны были быть замещены атеистическими конструктами.

Горизонтальная трансценденция была эффективно заменена в мировоззрении советских людей идеалом коммунистического будущего. Построение реального коммунистического общества встретилось с объективными трудностями: де факто коммунизм превратился в трансцендентальный идеал, удаляющийся по мере приближения к нему реального советского общества. Это позволило заместить в сознании масс горизонтальную трансценденцию трансцендентальной.

Вертикальная трансценденция не имела адекватного замещения в коммунистической идеологии. На наш взгляд, вертикальная трансценденция в сознании советских людей была заменена культом личности. Необходимость этой вертикальной составляющей и ее культовый характер показывает тот факт, что культ личности Ленина, при его меньшей интенсивности, намного пережил более интенсивный культ личности Сталина.

Но этот путь создания квазирелигиозного вертикального культа неизбежно вытекал из особенностей советской секуляризации. Одновременно с мировоззренческой «площадкой», расчищенной революционной секуляризацией, возникало поклонение «вождям» (наделенным только положительными качествами), поклонение которым обеспечивало легитимацию новой политической иерархии.

Жизненный мир верующих людей выпадал из этой картины. Таким образом, верующие становились препятствием для формирования имманентного секулярного пространства, для построения социализма и коммунизма. В настоящее время, оценивая результаты такого масштабного социального эксперимента по изгнанию религии из социума, можно сказать, что он так и не был выполнен. Религиозные обычаи и традиции продолжали оставаться важной составляющей частью народных обычаев и традиций в секулярное советское время. Среди них выделялись главные православные праздники – Рождество и Пасха.

Приведем воспоминание респондента (1939 года рождения) о праздновании Рождества Христова в белорусской деревне Бозок, Осиповичского района, Могилевской области (произношение респондента по возможности сохранено).

– *Значит, у вас в деревне колядовали, да?*

– *Да, я цыганкой была, колядовала, цыган у меня был и цыганята, молодежь вся, школьники. Ходили по хатам колядовали. Я гадала, цыган менял кони, шуткой такой все. Нам давали булки, пироги. Целые мешки наколядовали помню.*

Респондент рассказывает, как люди сохраняли свою культуру, даже в такое трудное время, когда религия преследовалась. Старшее поколение, особенно пожилые женщины, старались учить детей молиться и праздновать православные праздники, несмотря на запреты. Конечно, сохранить православные традиции и обряды было очень не-

просто, и постепенно многое утрачивалось. Тем важнее исследовать механизмы культурной памяти поколений. Почему для раскрытия данной темы мы обращаемся к анализу биографий, собранных в ходе интервью? Биография человека детерминирована его историей, предшествующим опытом. И в этом смысле она уникальна. Но сведение воедино всех релевантностей будет конституировать те типические черты, которые могут стать базисом обобщающей типизации, то есть аспекты этих черт являются схожими для многих биографий, но что-то в них будет одновременно спецификой и уникальностью.

Изучая биографии людей, живших в советский период, мы попытаемся рассмотреть историю их жизни в контексте того, каким образом они взаимодействовали с религией и, в широком смысле, «религиозным» в те годы. Условно и с неизбежными упрощениями назовем нашу малую выборку «сельскими жителями», учитывая географический критерий проживания. Возможность использовать данный метод для изучения жизненного мира верующих продемонстрировал К. С. Дивисенко, методологией которого мы ниже воспользуемся [1, с. 98].

Опрошенный нами респондент родился и жил определенное количество времени в Советском Союзе. В биографических нарративах советская действительность воспринимается скорее негативно респондентами, однако своим, специфическим образом, что позволила нам выявить актантная аналитическая модель.

Таблица 1

Актантная модель биографического нарратива в советский период

Актанты биографического нарратива	«Сельские жители»
Субъект/объект	Рассказчик / Духовная жизнь
Помощник/противник	Храм, религиозные артефакты, фольклор/ советская власть
Адресант/адресат	Родители, бабушки/ сохранение религиозной традиции

Субъектом нарратива выступает рассказчик, который ведет повествование о себе. Особенности актанта-объекта, к обладанию которого стремится субъект, непосредственно затрагивают тему религиозного и секулярного.

Рисунок 1. Схема актантной модели для жителей села в советский период

Так, объект «духовная жизнь» в случае с сельскими жителями непосредственно подразумевает религиозность, а конкретно – православную религиозность и духовность. Для этого актант-объект необходимо рассматривать в неразрывной связи с актантом-адресантом. А им как раз выступает сохранение православной традиции, которое исходило от родителей и бабушек. Духовная жизнь, сохранение православной традиции и веры родителей – именно это проясняется в биографических нарративах данной группы участников исследования: «Мне мама сказала: “В какой вере родилась, в такой и умирай, никогда не меняй Православие”».

Опрошенный респондент (1928 года рождения) пережила советскую эпоху, будучи верующей. Напрямую она не подвергалась гонениям, но ярко описывает ситуацию советской геттоизации религии.

– Скажите, вы с детства верующая?
 – Я с детства верующая...
 – А у вас колядовали на Рождество?
 – Ну, вот это колядовали... А вот когда мы пошли уже в пятый класс, я пошла в семилетнюю школу, нас очень ругали, вызывал директор к себе, ругал за то, что мы колядовали. Потому что наша деревня как-то была далековата от центра этого, центра колхоза. То у нас очень праздновали божественные эти духовные праздники. И вот когда мы ходили колядовали, потом мы пришли после каникул в школу. И нас сразу же вызвали всю нашу деревню к директору, и директор нас там сильно ругал, что мы вот как будто бы верующие, ну что праздновали этот праздник...

А потом нас разрисовали в стенгазету, все смеялись, вся школа, что мы ходили с такими сумочками, ну, торбочки такие полотняные были раньше. И мы ходили по хатам, колядовали, и нам что-то давали, как будто бы мы были какие-то побирайки, нищие какие. Сделали нас такими смешными в общем. И нас вся школа смеялась.

Несмотря на то, что в детстве респонденту запрещали праздновать православные праздники, в период перестройки она практически сразу стала посещать церковь и вернулась к вере.

В советское время в небольших городах и сельской местности сохранялись геттоизованные очаги религиозных традиций. Интервью дает женщина 87 лет из Самарской области.

– Ну, а на работе знали, что вы были верующей?

– Знали, знали.

– И начальство знало?

– Да.

– И как они относились к этому?

– Нормально. Ну, это же я тогда училась, не работала.

Позднее респондент закончила педагогический вуз, но работала не учителем, а стала ведущим специалистом по лечебной физкультуре в поселке Серноводске на курорте «Сергиевские минеральные воды». Всю свою взрослую сознательную жизнь она была религиозным человеком, но не демонстрировала это явно. Посещала монастыри, были у нее и иконы, и религиозная литература. Живя в поселке, где все хорошо друг друга знали, к ней обращались за советом по вопросам веры и традиций православных похорон.

Следующий респондент родилась в 70-х годах XX столетия. Она вспоминает, как праздновали Пасху, родители и она, будучи ребенком, в советское время.

В советское время, в мое детство, в 80-х годах, к Пасхе наша семья, семья тети красили яйца и пекли куличи. Особенно вкусные куличи получались у тети. На Пасху в храм шли освящать красные яйца и куличи, потом был праздничный обед и шли в парк, где проходили народные гуляния. Особенно запомнилось праздничное приподнятое настроение, которое было у людей. Все были нарядно одетые и радостные.

Особенных знаний о празднике Пасхи не было, но народные традиции сохранялись. На-

пример, смотрели, как на Пасху «играет солнце» рано утром, умывались водой, в которой плавало красное яйцо, чтобы быть красивыми и т. д.

Празднуя Пасху, люди вслух не говорили о празднике. Сорокадневного поста многие люди естественно не держали, но Пасху не забывали.

Респондент в данное время является православным верующим человеком с богословским образованием. Истоки обращения в юности к вере она видит в сохранении традиций празднования православных народных праздников, которые были в ее детстве.

В качестве промежуточного итога анализа данных интервью можно констатировать, что советская секуляризация проявлялась в вытеснении религии не только из социального пространства, но и из сознания людей. То есть жизненный мир тех, кто в детстве был верующим, по-прежнему требовал проявления во внешних религиозных институтах, но реализовать это на практике было чрезвычайно затруднительно. Тем не менее обычаи и традиции, главными из которых были рождественские и пасхальные, продолжали формировать жизненный мир людей, особенно в провинции.

Актантом-объектом в данном случае будет собственное мировоззрение, свободное от господствующей официальной идеологии, к формированию которого стремились люди в те годы. Дело в том, что главным мотивом (адресантом), движущим субъектом, является неудовлетворенность существующей идеологией. Сельские жители и выходцы из провинции старались просто максимально избегать ее.

Как отмечает А. Юрчак, который не согласен с концепциями «лицедейства», в период позднего социализма граждане СССР находились в пространстве так называемой вневходимости – то есть были одновременно внутри идеологического дискурса и в то же время вне его. Внутри, так как воспроизводили идеологически «правильные» действия и суждения по форме, а не по содержанию, поскольку содержание стало утрачивать свой смысл вообще из-за своего перенасыщения номинативными суждениями, «кочующими» из текста в текст, пристальное внимание к которым даже могло становиться причиной недовольства со стороны руководства. Важно было поддерживать видимость, и эта важность осозна-

валась именно на уровне формального «ритуала». Тогда на уровне «сознания» появилось определенное пространство свободы, которое заполнялось «античной историей и иностранной литературой, досоветской архитектурой и поэзией Серебряного века, теоретической физикой и ботаникой, археологией и западной рок-музыкой, буддистской философией и православной религией, туристскими походами и альпинизмом» [7, с. 301].

Главное условие – чтобы это пространство свободы не было откровенно «антисоветским», то есть идущим вразрез с идеологическим дискурсом. В рамках «пространства свободы» в сельской местности допускались, как нами показано, пасхальные и рождественские обычаи и традиции. Это можно подтвердить и отражением в советской культуре, не только на уровне упоминания, как в экранизации сочинений Н. В. Гоголя (напр. «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1961)), но и в документальных съемках жизни советской деревни (напр. «Полесские колядки» (1972) СССР, Бела-

русфильм). Между тем, как показали интервью, для многих, как и для опрошенных респондентов, религиозные обычаи и традиции стали основой для будущего возрождения религиозности.

Интервью показали, что возрождение традиционной религиозной культуры сложным образом трансформировалось в жизненном мире людей в среде «сельских жителей». Возрождение культурных религиозных трансценденций возникает на основе сохраненных обычаев и традиций. В свою очередь это вызывает стремление адресата к «религиозному воспитанию детей», противник же имел конкретное выражение и рассматривается как отошедший в историческое прошлое. В связи с современным сокращением социальной базы «сельских жителей» можно предположить, что традиционная религиозная культура переместится в городскую среду «интеллигенции», что приведет к трансформации культурных реалий, сохраняющих, однако, первоначальную религиозную основу.

Литература

1. Дивисенко К. С. Опыт структурно-семантического анализа автобиографического нарратива // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2013. – № 36. – С. 94–112.
2. Евстигнеева Н. В., Оберемко О. А. Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 4. – С. 95–107.
3. Степанова Е. А. Советский атеизм в контексте множественной модерности // Науч. ежегод. ИФиП УрО РАН. – 2014. – № 2. – С. 67–82.
4. Франк С. Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
5. Цыплаков Д. А., Цыплакова С. М. Земное и небесное: этапы секуляризации русской духовной музыки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5–4. – С. 204–207.
6. Шютц А. Методология социальных наук // Избр.: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. – М.: Рос. пол. лит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.
7. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М.: Новое лит. обозрение, 2014. – 664 с.
8. Taylor Ch. A Secular Age. – Massachusetts, London: Harvard University Press, 2007. 543 p.

References

1. Divisenko K.S. Opyt strukturno-semanticheskogo analiza avtobiograficheskogo narrativa [The Experience of Using the Structural-Semantic Analysis for an Autobiographical Narrative]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling], 2013, no. 36, pp. 94-112. (In Russ.).
2. Evstigneeva N.V., Oberemko O.A. Modeli analiza narrativa [Models of Narrative Analysis]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human been. Society. Management], 2007, no. 4, pp. 95-107. (In Russ.).
3. Stepanova E.A. Sovetskii ateizm v kontekste mnozhestvennoy modernosti [Soviet Atheism in the Context of Multiple Modernity]. *Nauchnyy ezhegodnik IFiP UrO RAN* [Scientific Yearbook IFiP UrO RAN], 2014, no. 2, pp. 67-82. (In Russ.).
4. Frank S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [A Spiritual Basis of Society]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 511 p. (In Russ.).

5. Tsyplakov D.A., Tsyplakova S.M. Zemnoe i nebesnoe: etapy sekulyarizatsii russkoy dukhovnoy muzyki [Earthly and Heavenly: Russian Spiritual Music Secularization Stages]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences: Theory and Practice]*, 2011, no. 5-4, pp. 204-207. (In Russ.).
6. Shchyuts A. Metodologiya sotsial'nykh nauk [Methodology of Social Science]. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom [Selected Works: World, luminous sense]*. Moscow, Russian political encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2004. 1056 p. (In Russ.).
7. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos' . Poslednee sovetskoe pokolenie [It Was Forever until It Was over. The Last Soviet Generation]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 664 p. (In Russ.).
8. Taylor Ch. *A Secular Age*. Massachusetts; London, Harvard University Press, 2007. 543 p. (In Eng.).

УДК 008

ИДЕЯ ВЫХОДА В КОСМОС В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Попова Наталья Сергеевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: publikova2007@yandex.ru

Попов Сергей Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (г. Кемерово, РФ). E-mail: bende-ostap@yandex.ru

В работе рассматривается культурный и гуманистический смысл выхода человека в космос: «место» космоса в «устройстве» души советского человека. Выдвигается гипотеза, что для советского человека выход в космос имел значение не утилитарного, а квазирелигиозного акта: был поиском чудесного. Попытка понять, в рамках каких воззрений на чудесное был осмыслен этот поиск, приводит к уподоблению интенций советской души религиозным установкам поздней Античности – Возрождения. Предполагается, что чудесное понималось советским массовым сознанием в духе эклектизма и пантеизма, присущего этим эпохам: чудо – не прерогатива Бога, чудесна сама природа. Человек (и ученый как квинтэссенция человека) – это маг, призванный овладеть чудесными силами природы с позиции своего знания. Космонавт – актуализация человеко-божественных потенций, то есть сверхчеловек, культурный герой, трансцендентальный субъект. Излагаемое понимание чудесного вытекает из общего «устройства» души советского человека, родственного античному устройству души установкой на вечность, антиисторичность, игру (несерьезность) в противовес историчности, серьезности христианской души. Идея миссии человека в космосе являлась наиболее ярким и убедительным воплощением советского нарратива: поступательно и неуклонно становиться лучше, преодолевать «естество», на экзистенциальных драмах которого спекулирует христианство. Констатируется амбициозная наивность советского проекта человека, но и перспективность его в деле преодоления современного кризиса гуманизма – засилья анонимных сущностей, правящих человеком.

Ключевые слова: космос, природа, чудесное, советское общество, советский человек, вечность, время, история.

THE IDEA OF DEPARTURE IN SPACE IN THE CONTEXT OF SOVIET MENTALITY

Popova Natalya Sergeevna, PhD in Art History, Associate Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: publikova2007@yandex.ru

Popov Sergey Ivanovich, PhD in Philosophy, Associate Professor of Department of Humanities, Kemerovo Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: bende-ostap@yandex.ru